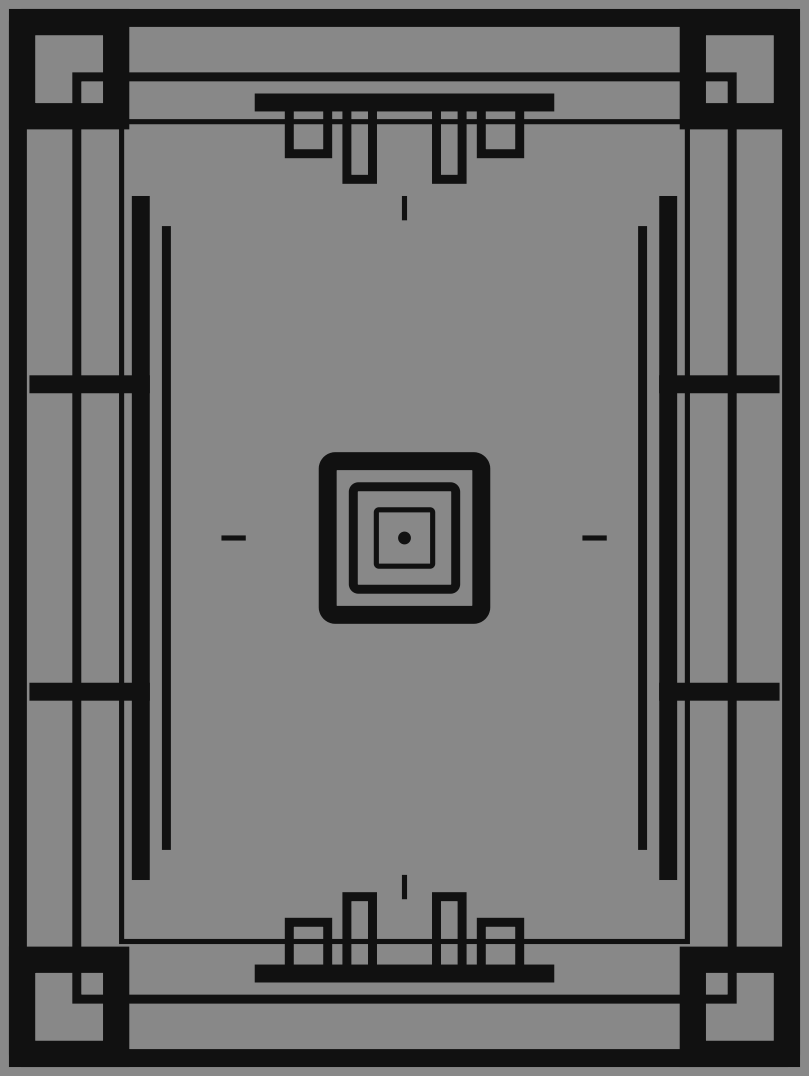

Каникулы на летающем блюдце

Фриц Ройтер Лейбер

Фриц Лейбер. КАНИКУЛЫ НА ЛЕТАЮЩЕМ БЛЮДЦЕ

Фриц Лейбер
КАНИКУЛЫ НА ЛЕТАЮЩЕМ БЛЮДЦЕ

— Пап, — спросил я, — почему взрываются планеты?

Папаня на миг закрыл оба думательных глаза, помолчал и ответил:

— Если честно, сынок, я не в курсе. Давай слетаем и выясним.

Да, наш папаня такой — вдумчивый, но в меру, без претензий, и ни одного лишнего движения. А еще он у нас силач — запросто придушит две с половиной антаресские многоплеченожки и при этом шестым и седьмым щупальцами будет листать последнюю новеллу к Космическому своду законов.

Сеструха и мелкий решили было, что он пошутил, но я-то лучше знаю папаню: для него любое законное желание ребенка расширить свой кругозор — дело абсолютно серьезное. Правда, в этот раз желание законным не было, но для него это так и осталось тайной. Только мамане не рассказывайте.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал папа. — Мне тут отпуск светит… Галактический Центр не очень-то щедр, но за каждый рабочий день мельница богов роняет нам пылинку золотой муки. Я свяжусь с Врупом и выясню, какие планеты уже созрели. Наш старый носок полон динеро, хватит даже на

путешествие в одно из Магеллановых Облаков или в Андромеду. Конечно, если там отыщется сочный бутон, готовый превратиться в цветок…

Маманя тоже поняла, что он не шутит. Она слегка окрасилась в пурпур и ударилась в интроспекцию. Папа притворился, будто не заметил. Однажды наедине он мне сказал, что игнорирование — лучший способ успокаивать маму. Женщинам, объяснил он, необходимо получить сполна свою долю переживаний. И правда, мамане только на пользу идет периодическая смена телесного цвета.

Через два оборота папаня выскочил из кабинета, размахивая билетами.

— Вруп дал добро, — сообщил он, — и позволил помочь ему с поиском бутонов. Нашелся один роскошный, причем в нашей Галактике, ближе к ее краю. Маме не придется паковать для нас межгалактическое белье. — И ухмыльнулся нам, детям. — Я связался со школой, учителя согласились продлить вам каникулы, но дочке задание: подтянуть младшего по истории Галактического средневековья, а самой доткать гобелен Звездных племен. Ну а тебе, мой юный гептопус, — и уставился на меня всеми пятью глазами, — предстоит собственными силами освоить курс тензорного

исчисления.

Вот такой он, наш папаня: щупальце тяжелое, прикосновение легкое. Вдобавок скромняга, по виду ни за что не скажешь, что он важная шишка. Не горазд чваниться, но к нему прислушиваются очень важные персоны, такие как Вруп.

Новость о домашнем задании на каникулы не довела меня до пурпурного каления, но и восторг я изображать не стал. Тому, у кого семь щупальцев, многомерная геометрия не страшна — ее можно учить на ощупь. Конечно, сеструха и мелкий подняли крик, но маманя живо их укоротила.

Мне иногда кажется, что папаня, учеба и Всекосмический Отец — это одно и то же. Билеты он приобрел на прыжок в окрестности звезды, которая согревала созревший мир. Там нас ждала встреча с директором турбазы.

— И что, этот директор будет распоряжаться нашей жизнью? — поинтересовалась сеструха. — Может, он тиран вроде древних гептархов?

— Пусть только попробует! — Папаня агрессивно утолстил щупальца.

— А как называется планета, куда мы летим? — осведомился мелкий.

— Пока это всего лишь номер на галактических

картах, — ответил папаня. — А на сотне с лишним туземных жаргонов ее имя… — он захрюкал, подражая фонемам, которыми тамошние жители пользуются для общения, — Дас Вельт, Эль Мундо, Терра… Ах да, еще Земля.

— А чем мы будем там заниматься и успеем ли вернуться к плавательным фестивалям? — забеспокоился мелкий.

— Давай, если ты не сильно против, довольствоваться тем, что дает нам будущее, и проживать по одному дню зараз, — сурово осадил его папаня. — И надеяться, что нам не встретятся зеленые плетельщики.

Папаня больше ни слова не сказал о зеленых плетельщиках, а я не нашел никаких сведений о них в мыслекапсулах из его библиотеки.

Которые теперь поглощал с жадностью. Планеты Роя, Рассветные цивилизации, миры Обода, труд самого Врупа «Шествие сознания: этикет для галактических туристов» и тому подобное.

Зато я немало узнал о том, как планеты-бутоны сводят счеты с жизнью. Похоже, большинство рас находились в младенчестве, в военной фазе, когда открыли расщепление ядра и термоядерную реакцию. У одних дошло до экспериментов с подземными атомными взрывами, другие

слишком глубоко хранили ядерные материалы, третьи вели междоусобную минную войну… А в таких случаях, если не соблюдать осторожность, запросто может сдетонировать планетарное ядро — и мир вспыхнет, как микросверхновая.

Если раса преодолевает психосоциальный перевал примитивной военной стадии, она спасена. Планета открывает для себя Галактический Союз, и вступает в него на правах младшего партнера, и получает кучу благ. Если же нет… Что ж, хорошей соседкой ей уже не стать, а наши астрономы охотно выжмут из микросверхновой море информации заодно с капелькой простого садистского удовольствия.

Ну а пока созревшая планета решает, взорваться ей или нет, она представляет собой самый интересный объект во всем космосе. Предупрежденные Стражами Разума, следящими из своих межгалактических гнезд за всеми перспективными шариками, студенты, ученые и просто охотники за сенсациями слетаются туда со всей Галактики; хватает и гостей из-за ее пределов. Но есть жесткое условие: обитатели бутона не должны получить даже малейшего намека на то, что они теперь актеры в самой волнующей космической мелодраме. Если туземцы узнают

о происходящем, дело будет безнадежно испорчено, независимый психосоциальный выбор не состоится. Поэтому мероприятие очень тщательно охраняется, даром что мы, жители планет Галактического Союза, слывем невероятно зрелыми и мудрыми (с чем папаня категорически не согласен).

Официально считается, что все это делается в интересах науки и образования, но я-то знаю, что очень многие обыватели, утомленные пресной жизнью, посещают планеты-бутоны исключительно ради острых ощущений. И даже Стражи Разума, по слухам, закрывают глаза на мелкие проделки туристов. Наверное, это нехорошо, но так уж устроена Вселенная — коррупция в ней была, есть и будет. А папаня, тот вообще считает, что даже отъявленные злодеи и непроходимые тупицы имеют право на образование — вот и пускай хапают столько знаний, сколько можно добыть любыми нечестными путями.

Пока мы ждали своей очереди в космопорту — причем мелкий ерзал от нетерпения, а маманя погрузилась в самые глубокие интроспективные недра, — я поделился с папаней кое-чем из прочитанного.

— Похоже, сейчас, когда мы вот-вот отправим-

ся, — скромно произнес я, — у меня уже есть большинство ответов на мои вопросы.

— Так и работает образование, сынок, — по принципу антиклимакса, — произнес папаня и подчеркнул свои слова хлопком щупальца. А то, что он сообщил мне затем, было послано узким лучом, чтобы не перехватила маманя. — И я не уверен, что все увиденное тобой будет в точности соответствовать учебникам. У настоящего йорфиса клыки всегда зеленей, чем у снящегося в кошмарах.

Для мелкого путешествие стало сплошным разочарованием — за исцарапанными метеорами иллюминаторами не полыхали никакие солнца. Только поступила команда «Приготовиться к мгновенному перемещению!» — и бац! — мы уже плаваем в густом рое гептопусов и иных галактических существ, в огромной прозрачной сфере космической турбазы, чей диаметр раза в три больше, чем у выбранной нами для посещения планеты.

У турбазы почти невидимая оболочка. Благодаря ее искусственному напряжению и давлению содержащегося в ней воздуха она сохраняет круглую форму. А мы — просто рой зеленоватых полупрозрачных гептопусов, парящих в неве-

сомости на фоне звездного неба. И только одна звездочка с бахромой щупальцев согревает этот объем пространства и привлекшую нас синевато-коричневую планету.

Земля (это если повторять папанино хрюканье) явно имела больше воды, чем суши. Два увиденных мною сразу континента здорово смахивали на раскормленных зеленявок: одна вцепилась в ледяную шапку, другая — в его хвост. Как я узнал позже, континенты на противоположной стороне планеты выглядят еще нелепей — вообразите сценку, где йорфис убивает грунча, а рядом трясется от ужаса седлоспинный флютч. Просто чумовой шарик!

Мы обалдело любовались им с десяток пульсов, пока не заерзал коротыш и не стал выяснять, где тут можно принять ванну. А сеструха углядела тетеньку, маманину приятельницу, которую мы никак не ожидали здесь встретить. Маманя сей же миг вынырнула из своей интроспекции — и давай с этой дамой сплетничать, к великому облегчению папани.

Он мне сказал:

— Пойдем, сынок, разыщем директора турбазы.

Не миновало и оборота, как мы благополучно

устроились в отведенном для нас жилище. И что куда восхитительней, особенно для меня, — нам предоставили в личное пользование летающее блюдце. Папаня сунул письмо от Врупа под нос директору, и тот в узел скрутился от желания угодить.

Меня это малость напрягло. Все-таки если не взятка, то, по крайней мере, особая привилегия.

Своими сомнениями я поделился с папаней.

— Сынок, — сказал он, — не забывай, что мы живем не среди ангелов, а среди гептопусов. Мне случилось выполнить для Врупа кое-какую сверхурочную работенку, вот он и решил отблагодарить.

Папа закрыл думательные глаза и выдал пословицу: не затыкай глотку грунчу, который добывает зеленявок для твоей супницы.

Меня этот ответ вполне удовлетворил. Да и вряд ли я бы слишком обеспокоился, если бы даже узнал, что мы жульничаем, — очень уж классное нам досталось блюдечко. Прозрачное до невидимости, со щупальцевым управлением, оно отлично вмещало всех нас, и оставалось место для парочки пассажиров, на случай если мы захотим взять их на борт.

Блюдце могло доставить нас к любой точке

поверхности планеты, сколько угодно там провисеть и даже ненадолго приземлиться в безлюдном месте, при условии, что мы примем необходимые меры предосторожности.

А уж мы их принимали, не сомневайтесь. Папаня нас, детей, а в особенности мелкого, заставил вызубрить весь Свод запретов для туристов.

И раз в оборот, без пропусков, мы посещали турбазу, чистили и полировали блюдце и натирали его аэровоском, чтобы оставалось невидимым.

Папаня у нас перфекционист. Иногда мне кажется, что он настоящий святой — в том, что касается порядка. Но всякий раз он ухитряется сбить меня с толку, повернувшись ко мне своей грешной стороной.

Земля оказалась прелестна, как корзинка с детенышами грунча. Сначала мы всю ее осмотрели с высоты в половину ее радиуса, потом стали подлетать поближе. Видели, как земляне испытывают свое ядерное оружие. Доска объявлений на турбазе заблаговременно предупреждала нас, где и когда будут происходить такие события. Вы же в курсе, что Стражи Разума вели систематическое наблюдение за Землей, хотя незадолго до нашего прибытия они направили свои экстрасенсорные взоры на более молодые (и более интересные для

них) шарики.

Однажды папаня опустил блюдце в густую, как суп, атмосферу и подрулил до жути близко к неуклюжему земному воздушному судну. Ну и уродина! Жесткие плавники, жаркие выхлопы! Туземцы на его борту даже не подозревали о нашем присутствии, хотя мы летели за ними довольно долго.

Однажды блюдце, управляемое каким-то лихачом, проскочило перед носом у экспериментальной земной ракеты. Блюдец над тем местом тогда висело множество, всем туристам хотелось посмотреть на запуск, но только одно нагло нарушило установленную нашей полицией дистанцию. Поднялся шум, пошли разговоры о запрете полетов для всех туристов, но ничего такого не случилось, даже нарушители не были наказаны.

Я пребывал в смятении. Тем лихачом оказался гептопус, и это обстоятельство, считал я, бросает тень на всех нас. Я ведь такой же перфекционист, как и папаня, — однажды взгрел мелкого за то, что он включил проблесковый маячок в двух диаметрах от планеты. Вряд ли земляне могли заметить те вспышки, но ведь важен сам принцип.

Среди туристов гептопусов хватало, даже

директор был из наших и многие полицейские, — в общем, мы составляли большинство. В галактическом туризме всегда так, объяснил папаня, — кто-то решает куда-то отправиться, и моментально эта же идея приходит в голову полусотне его соседей. Но вообще-то, одна из причин, по которым Вруп и папаня выбрали Землю, — это то, что ее уже посетили многие гептопусы.

И каждому их семейству, даже одиночкам, досталось блюдце. А ведь это военное имущество, как я вскоре узнал. Разве позволено директору турбазы раздавать их направо и налево, как бесплатные порции водорослей в столовой?

Снова мне в голову полезли мысли об особых привилегиях и стало муторно на душе.

Ни среди туристов, ни среди обслуги не обнаружились антаресцы, и у нас изрядно отлегло от сердца, хотя, конечно же, мы предпочли об этом помалкивать.

Должен признаться: в период подготовки, когда нам позволялось зависать очень низко, а то и садиться, земляне мне показались жутчайшими тварями. В самом деле, есть что-то тошнотворное в их конечностях, которые похожи на щупальца, но на самом деле жесткие и могут сгибаться лишь в паре мест. Поневоле в голову лезут мысли о па-

раличе и известковании, а это все равно что гнить заживо. Земляне смахивают на больного артритом гептопуса, у которого осталось только четыре рабочих щупальца, а прочие или отрезаны (ой!), или всегда носятся на голове, скрученные в тугой узел (ой-ой-ой!).

Когда сеструха узнала, что у землян в щупальцах кости, ее вырвало, правда-правда.

Но образование справится с любым предубеждением (кроме предубеждения против антаресцев — надо как-нибудь потолковать на эту тему с папаней). Чем дольше я изучал землян, чем пристальней наблюдал за ними, тем сильнее проникался к ним симпатией и тем меньше их неудачное телосложение портило мне аппетит. На турбазе был огромный запас мыслекапсул, посвященных земной истории, и каждый день поступали новые сведения. Да вдобавок папаня заставил нас учить земные языки. В течение полутора щупальцев времени (это три четырнадцатых, пересчитайте сами) мы, дети, зубрили учебники или по персональному радиоприемнику слушали земные новости на изучаемом языке.

Из-за необходимости выполнять домашние задания (папаня не шутил со мной насчет тен-

зорного исчисления), из-за надраивания блюдца и тому подобных дел свободного времени у нас оставалось не сказать что прорва, и тем не менее мы, дети, были в восторге от этих каникул. Радовалась даже маманя — зеленая, как девчонка, она так охотно участвовала в наших забавах, что папаня вынужден был ей напомнить: нельзя пренебрегать интроспекцией. В самом деле, беда той семье, чей глубинный разум перестает работать.

Другие туристы тоже развлекались на всю катушку. Ведь это чрезвычайно стимулирующее разум и обогащающее опыт занятие — слушать гуление младенческого расового сознания, следить за его неуклюжими шажками и ждать, выберет оно путь добра и выживет или ступит на стезю зла и погибнет. Это возвращает вас к истокам жизни и убеждает в правильном выборе вашей собственной расы. По крайней мере, так утверждают мыслекапсулы.

Земляне и впрямь дошли до очень опасной черты. Они поделились на две огромные федерации полуиндустриальных наций, и одна уверовала, что для контроля над людьми нужно возбуждать их аппетиты, а другая решила оседлать их страхи. (Папаня говорит, что я чересчур упрощаю.) Обе федерации обзавелись оружием на прин-

ципах ядерного деления и синтеза и вывели на орбиту как обитаемые, так и необитаемые спутники. И обе экспериментировали с подземными атомными взрывами, к счастью пока на малых глубинах.

Как я вскоре убедился, земляне склонны бешено конкурировать и умеют люто ненавидеть, но этим существам свойственны и душевная доброта, и даже любовь. Меня дрожь пробирала при мысли, что туземцы могут выбрать неправильный путь. Ведь тогда через несколько оборотов их очаровательная планетка превратится в красный дымящийся шлак. Всякий раз, когда папаня опускал наше блюдце сквозь белый шелк облаков, меня переполняло желание крепко-накрепко запомнить увиденное, до мельчайшей подробности. И нам не встретился ни один зеленый плетельщик, хотя я всегда был начеку.

В общем, земляне у меня вызывали сентиментальные чувства, и что с того, что у этих созданий кости в щупальцах? Нередко (особенно после того, как я овладел парой языков) возникал соблазн предстать перед ними и объяснить, что погибать им нет никакой необходимости, что повсюду вокруг процветает мощное братство, страстно мечтающее принять их в свои объятия.

Я по-мальчишески примерял на себя роль спасителя, хотя, конечно, понимал, что со своими семью зелеными щупальцами в глазах землян выглядел бы дико. (Впрочем, если бы дошло до дела, я бы придумал, как их не напугать.)

Через пару оборотов меня вконец одолели мрачные предчувствия. Я даже поймал себя на младенческом развлечении — скручивал щупальца в фантастические фигуры. В этих играх нам равных нет — папаня, к примеру, великолепно изображает морды разных животных. И я решил: хватит киснуть, надо вернуть хорошее настроение.

К этому времени я успел подружиться с юным гептопусом по имени Таб. Он обладал острым логическим умом, а землянам симпатизировал даже почище моего. Зато Стражей Разума и полицейских тихо презирал, притом что Свод запретов вызубрил на совесть — я его проэкзаменовал. Родители у Таба тоже были интеллектуалы, на турбазе они серьезно вкладывались в организацию туристических фестивалей, и стыдно признаться, иногда мне казалось, что по части стиля им уступают даже папаня и маманя.

Когда мы с Табом познакомились, я решил: вот он, мой шанс создать Патруль юных разведчиков.

Но вскоре раздумал — больно уж умен этот пацан для таких игр.

Таб фонтанировал блестящими идеями, которые можно было с ним увлеченно обсуждать, и интересной, хоть и сомнительной в плане морали информацией. Например, от него я узнал, что прогрессивная фракция Стражей Разума разработала недеструктивные методы развития младенческих рас, но консервативное большинство устроило ей обструкцию.

Пару раз я прокатился на блюдце Таба. Его семья изучала Землю чинно и обстоятельно, без хохмочек, которые у нас позволяла себе даже маманя. Отец Таба находил самые красивые ракурсы. Эти гептопусы показали мне несколько своих любимых мест; особенно им нравилась лесистая гора, увенчанная куполом — надо полагать, с какой-то разновидностью телескопа внутри. Мы там сели, и я вышел размять щупальца. Конечно, не возле купола гулял, а на склоне — там нашлась прогалинка. Маманя Таба сказала, что это место секретное, другие туристы его еще не открыли, и попросила никому не рассказывать. Пришлось пообещать, хоть я и не понял, что тут такого расчудесного, — симпатично, но не более того. Мы отдохнули на этой горе, от нечего

делать пошпионили за землянином, который выскочил из домика и давай рыскать вокруг, как будто почуял нечто из ряда вон выходящее. Потом пробормотал что-то вроде «привидится же» на местном жаргоне (из тех, что я выучил; называется «американский»), даже руки раскинул и воззвал этак торжественно: «О призраки, если вы здесь, явитесь же!» И отец Таба резко ответил «нет», хоть я и не слышал, о чем Таб спрашивал или что предлагал. А в памяти это лишь потому застряло, что и отец Таба, и сам Таб замерли, когда поняли, что я мог следить за их разговором.

И мы тотчас же отправились восвояси.

А однажды Таб полетел на нашем блюдце. С моими был вежлив, но помалкивал, как ни старался папаня его разговорить, и сложилось у меня впечатление, что не по душе Табу наше отношение к происходящему. И дружба между нами после этого основательно остыла.

В конце концов я рассказал папане о моих личных симпатиях к землянам и о том, что чувствую вину перед ними, — возможно, они обречены, а я не пытаюсь им помочь.

А папаня смотрит на меня очень-очень серьезно и говорит:

— Теперь, сынок, ты понимаешь, почему Свод

запретов так чертовски суров? Не забывай: гептопус, хоть и создал мощнейшую цивилизацию, остался зверем, причем самым необузданным во Вселенной: свирепым, безрассудным и кровожадным. В сравнении с ним йорфис — невинная зеленявка. Это мы-то цивилизованные? Ха! Как мой шестой глаз! Чтобы держать нашего брата в узде, нужны ограничения! Тьма-тьмущая строжайших ограничений!

Пожалуй, папаня ударился в романтику, характеризуя нас, гептопусов, такими словами. И все же вынужден признать: меня до кончиков щупальцев проняла гордость с примесью смущения.

Это что же получается, я семирукий убийца? Ха!

Еще и трех оборотов не минуло, как я убедился: папанино мнение о гептопусах — реализм чистой воды! Но не только это заставило меня переменить отношение. Очень уж много накопилось мелких инцидентов, чтобы можно было и дальше их игнорировать или истолковывать как-то щадяще.

Я вот что имею в виду: большинство туристов, и в первую очередь гептопусы, путешествовали на своих блюдцах настолько беззаботно, что

земляне замечали в небе инопланетные летательные аппараты.

Подтверждения этому мы получали и раньше (одно я уже упоминал), но считали свои грешки безобидными исключениями из правила. Теперь же правилом стали хулиганские полеты, а Свод запретов был самым бессовестным образом забыт.

Туристские блюдца утратили прозрачность — бьюсь об заклад, с тех пор как их раздал директор турбазы, они не покрывались аэровоском.

Даже наше блюдце было в подозрительных потеках, ведь мы не натирали его надлежащим образом, а просто ляпали второпях вязкую массу. И не припомню, чтобы мы хоть раз приняли меры против образования конденсационного следа.

Сдается мне, пилоты таких блюдец, прозванные папой замарашками, специально зависали над деревнями землян, выписывали фигуры высшего пилотажа над городами, пикировали на известные нам атомные объекты, играли в «кто первый свернет» с земными летательными аппаратами… Чего они только не вытворяли!

Некоторые — вы не поверите! — даже сбрасывали мусор. Папаня сказал, что подобное поведение никакой логикой объяснить невозможно. Зна-

чит, приходится просто верить.

Земной ночью хулиганы летали на бреющем, да не где-нибудь, а вдоль дорог, и нарочно сигналили огнями наземным транспортным средствам. Силуэты блюдец туземцы видели на фоне луны… да где их только не видели. Замарашки даже в стаи сбивались, по пять, а то и по семь, и устраивали форменные воздушные парады!

До нас доходили слухи о высадках туристов, подчас в населенном месте, и устроенных там шумных гулянках. Такое и правда в голове не укладывается! Мне вспомнилось папанино «просто верить». Я и поверил, но у меня думательные щупальца в узлы связались.

В общем, мелкие шалости переросли в настоящее буйство, в праздник непослушания, как в детском саду, и участие в нем приняли большинство туристов. И на фоне этого непотребства даже малолетний правонарушитель (то бишь я — так меня частенько называет папаня) выглядел убежденным законником.

На турбазе тоже царила веселая атмосфера, точнее, атмосфера хихикающей истерии, до того ядреная — казалось, легко сквасит межзвездное пространство в съедобное сладенькое желе. Туристы, претендовавшие на суперкультурность (да,

и гептопусы тоже), вели себя как примитивные безмозглые пьяницы.

Очень немногие семьи не поддались деградации, и в их числе семья Таба. Наша дружба потеплела вновь.

А вот сеструха подцепила от замарашек психическую чумку. Отпросилась прокатиться на подружкином блюдце, а потом все хихикала, вспоминая, как они нарезали круги вокруг земного самолета и пугали пассажиров вспышками.

Не думаю, что стоит описывать взбучку. Сами понимаете — девчонка, да к тому же у каждой семьи имеются свои секреты. Скажу лишь, что сеструхе крепко досталось от мамани.

Бардак все крепчал, и началось это, похоже, еще до нашего прибытия на турбазу — просто мы долго не могли поверить собственным думательным глазам. Но теперь стало невозможно держать их закрытыми.

Я вам больше скажу: ни директор, ни охрана не пытались положить конец безобразиям. Даже на зуб не попробовали проблему, как у нас говорят. Ничего осмысленного не сделали, чтобы усмирить идиотов. Только по щупальцам их хлопали, но так бережно, что и младенческой присоске не больно. Издали тьму «напоминаний» и «пре-

дупреждений», даже поставили пару блюдец на прикол. Это уже было похоже на дело, но вскоре выяснилось, что блюдца сломались и едва не угодили в руки земной полиции, и на базу их вернули для ремонта.

Я ведь сразу догадался, что за типчик наш директор: лизоблюд и подхалим. Трепетно влюбленный в свою репутацию душевного и услужливого парня, он ни за что на свете не рискнул бы осадить кого-нибудь из зарвавшихся шалопаев.

Что до полицейских, то от туристов они отличались исключительно наличием блях.

Только не подумайте, что описанный выше кавардак испортил мне настроение. Совсем напротив, было весело! Особенно смешили «напоминания» и «предупреждения», которые так часто появлялись на доске объявлений. Между прочим, они основательно проливали свет на охватившую туземцев истерию.

Похоже, земляне затеяли безумный спор из-за наших блюдец: реальны они или это просто дурь? Интересно, почему никто из них не додумался, что блюдца могут быть реальной дурью? Мигом образовались всевозможные сообщества и культы; одни верили в инопланетян, другие категорически отрицали наше существование.

По слухам, некоторые даже нас боготворили. Энтузиасты забирались на горные вершины и высматривали блюдца по ночам, а увидев, с маниакальным азартом спешили раструбить об этом на весь мир. Истерия вспыхивала то в одном месте, то в другом — в зависимости от того, где ухитрялись нашкодить наши славные замарашки. Я с ужасом представлял себе, как рои блюдец, носясь туда-сюда, раскачивают Землю, точно лодку.

Но как известно, рядом со щупальцем самоустрашения растет щупальце самоосуждения. За один оборот даже весельчак вроде меня сообразит: нет ничего смешного в том, что сверхсущества ведут себя как младенцы кутчи-кутчи в озорном делириуме, и в том, что зачаточная цивилизация (я имею в виду землян) занимается ерундой, вместо того чтобы спокойно и трезво разобраться со своими страстями и сделать раз и навсегда выбор между жизнью и смертью.

Да уж, абсолютно ничего забавного.

Мы топчем нераспустившийся цветок. Еще несколько оборотов такого «туризма», и возможность развития и свободного выбора для Земли будет безвозвратно потеряна.

Как только наша семья прониклась этой идеей

(которую, помнится, перевела на язык символов маманя), мы взялись за дело. По крайней мере, взялся папаня. Он всегда мне говорил: «Сынок, если твои думательные щупальца перестанут манипулировать реальными вещами, какой будет прок от умения скручивать их в красивые мысли?»

Нам, детям, папаня поручил надраить блюдце, которое мы уже перегнали в зону праздничных мероприятий турбазы, и покрыть двойной порцией воска. А сам отправился организовывать протестный комитет.

Вернувшись, он сообщил хорошую новость. Семья Таба первой согласилась присоединиться, и ей ужасно понравилась наша идея. На радостях папаня возомнил, что мы и впрямь сумеем чего-то добиться с помощью одного лишь здравого смысла.

Перед этим разговором я заметил — а это, скажу я вам без ложной скромности, задачка для глаз недюжинной остроты, — что папаня принес на борт нашего фанатично навощенного блюдца нечто завернутое в ткань-невидимку. Я, конечно, пристал с расспросами, и тогда он приоткрыл обертку — самую малость, но я понял, что внутри два пистолета-парализатора. И как ему только

удалось дотянуть до них хваталки?! Позже я узнал, что он подпоил подружку оружейника, а потом и самого оружейника. А как подмазал кладовщика на продскладе, чтобы добыть выпивку, — это для меня осталось тайной. Уверен, пожелай мой предок жить на планете пнатов, он бы там не пропал.

— Сынок, — сказал папаня, — я тебе показываю эти пистолеты на всякий случай. Если придется ими воспользоваться, пусть один из них будет в твоем хватательном щупальце. Но учти, это дело совершенно противозаконное, наказуемо пятьюстами оборотами отсидки в ледяной камере Черного Узилища.

От ужаса я аж глаза зажмурил, все пять.

На собрание туристов, созванное моим папаней и папаней Таба, я шел с таким чувством, будто у меня мускулатура морского йорфиса и по шипастой дубине в каждом щупальце. Сейчас наши семьи зададут замарашкам жару!

А покидал я собрание слабеньким, как больная зеленявка.

Табов родитель, проклятый саботажник, все испортил! И мы с папаней даже не поняли, с чего вдруг. Мы просто обалдели!

Папаня произнес блестящую вступительную

речь, а затем предоставил слово своему предполагаемому главному союзнику. Это вызвало сильное оживление в зале, — оказывается, отец Таба успел отметиться на всех предыдущих туристских сборищах и прослыть прирожденным златоустом; его здесь уважали. Златоуст вышел на трибуну, обвил себя парой щупальцев и понес сущий вздор. Мол, нет ни малейших причин беспокоиться о том, что землянам теперь известно о присутствии туристов. Каким-то образом он получил доступ к земному досье Стражей Разума и теперь привел цитаты из него: дескать, земляне с незапамятных времен замечают в своем небе объекты загадочного происхождения. Тысячи земных оборотов назад туземцы наблюдали проносящиеся в вышине огненные колесницы. Ну видят они и сейчас нечто подобное, и что с того? Это типичное поведение землян, наши блюдца тут никакой роли не играют! В земной истории подобные эпидемии массового помешательства возникают регулярно. А потом он заявил, что папаню решил поддержать, исходя из эстетических соображений. Ну ничего себе! Туристы-де обязаны вести себя красиво ради самой красоты, и теперь, напомнив всем об этом, он уверен: так тому и быть! А важнее всего, добавил он, не допу-

стить раздоров в собственных рядах. Туристские склоки могут нехорошо отразиться на наблюдаемой расе — и он процитировал Свод запретов.

О таком повороте директор турбазы даже мечтать не смел. С тошнотворным восторгом он пообещал сегодня же вывесить на доску напоминание о важности красивого поведения и поблагодарил Табова отца за то, что он поставил вопрос так деликатно и интеллигентно. После чего обрушился на папаню. Обзывал его некультурным паникером и другими нехорошими словами — слушавшие, должно быть, поверили, что папаня подготовил мятеж и только Табов предок не дал разразиться катастрофе.

Я ждал, что папаня ринется в бой, да не тут-то было. Он лишь мрачно огляделся по сторонам и без единого слова покинул зону праздничных мероприятий.

А развеселившийся Табов предок позвал Таба и остальное семейство на их блюдце: он-де задумал маленькую экспедицию. Отличный пример красивого поведения, с горечью подумал я.

И поплелся за папаней. Хоть и ослаб, как хворая зеленявка, все же хотел выяснить, почему нас надул союзник.

Но оказалось, что папаню теперь заботит нечто

другое, причем довольно банальное. Как же он меня разочаровал!

— Об этом позже, сынок, — сказал он. — Я только что вспомнил: нынче день рождения Врупа.

Папаня помнит все дни рождения.

У клерка в отделении межзвездной почты папанина просьба вызвала подозрения. Наверное, его предупредили, что папаня может не уняться и попробует действовать через голову директора. Но, узнав, что речь всего лишь о поздравлении, клерк успокоился. От него всего-то и требовалось, что отправить текст по форме номер три на указанную планету, а уж там Врупу получит поздравительный адрес длиною в ярд, с золотым тиснением и пурпурной бахромой. «Пусть в сиянии звезд тайны Всеотца перестанут быть тайнами и пусть узнает вся планета, что в этот день ты появился на свет!» И тому подобная пафосная чепуха.

А ведь не в обычаях папани пользоваться такими шаблонами. Спекся, должно быть, получив знатную оплеуху на собрании… Но тотчас я отвесил оплеуху себе самому. Правда, мысленно.

Пока папаня уламывал клерка, у меня было время разобраться с моими идеями.

— Пап, — передал я ему узким лучом, как толь-

ко он освободился, — Табов предок слишком уж уверен, что земная истерия с летающими блюдцами не имеет никакого отношения к нашим замарашкам. Что-то раньше я не слышал от него подобных глупостей.

— Согласен, сынок, — очень тихо, очень «узко» ответил папаня.

— Значит, у него имеется другая причина не желать введения строжайшего запрета мозолить землянам глаза. Пап, а вдруг он хочет, чтобы земляне узнали о нас? Хочет сообщить им о Галактическом Союзе, прежде чем они сделают независимый выбор между жизнью и смертью?

— Продолжай, сынок.

— Так вот, если Табов отец желает чего-то противозаконного, почему бы не предположить, что он над этим уже вовсю работает? Что он вступил в контакт с землянами или готовится вступить?

— Молодчина. Это мои мысли, один в один. Он уже встретился с землянами, или это вот-вот случится. Но сможешь ли ты протянуть логическую цепочку еще дальше?

— Думаю, смогу. — И я с воодушевлением поведал о последнем моем путешествии с семьей Таба.

— Поднимай сестру и братика, сынок, — рас-

порядился папаня, как только я закончил, — а я займусь мамой. Уверен, если мы устроим семейный пикник, — он сузил луч, — на одной секретной полянке, это будет самый что ни на есть красивый туризм.

Не припомню, чтобы когда-нибудь раньше стаи земных облаков были такими мягкими и ослепительно-белыми. Может, и нельзя назвать красивым наше снижение, но между этими облаками мы пролетели, не задев ни единого краешка, нисколечко их не затмив, как и полагается мастерски пилотируемому блюдцу.

И вот под нами лесистая гора с большущим куполом на макушке. Папаня убрал с пульта управления щупальца:

— Приступай, сынок.

В этот раз не было ощущения, будто я обзавелся дополнительными мышцами или колючими палицами. Я просто чувствовал себя взрослым гептопусом, взявшимся за взрослое дело.

По пологой кривой блюдце снизилось к секретной прогалине — а ведь на ней и впрямь что-то происходит! — и совершило посадку не на поляне, а в узком промежутке между двумя деревьями. При этом я даже листочка не потревожил — только трава слегка отклонилась от нашего

борта, чтобы тотчас невозмутимо выпрямиться.

И вот мы с папаней снаружи, и одна из моих хваталок сжимает вещь, которая прибавляет уверенности, но и подразумевает нешуточную ответственность. Продвигаемся со всей осторожностью — ни единый шорох, ни единая мыслишка не опередила нас, даже когда впереди открылась поляна.

На ее краю преклонил колени уже знакомый мне землянин, и выглядел он экзальтированно. Уже по одному этому можно понять, что он в телепатическом трансе, но какой смысл гадать, когда на прогалине вовсю излучаются Великие Тайные Идеи Галактического Союза?

А занимался этим Табов папаня — он виднелся на противоположном краю полянки, и вокруг живописно расположилась его семья. Прозрачно-зеленоватый на фоне зеленого леса, он легко стоял на двух щупальцах, остальными пятью ритмично выделывая гипнотические пассы. Ну очень красиво. Наш чистоплюй впал в замарашкин грех — взялся спасать и просвещать! Загадка, бередившая мой разум на протяжении многих оборотов, наконец-то разгадана!

— Вот же гнусный зеленый плетельщик! — передал я папане узким лучом.

— Верно, сынок, — отозвался папаня. — Угостика его зарядом средней мощности, а я займусь семейкой.

Наши парализаторы дружно пшикнули. Смею похвастаться, Табов родитель застыл в особенно грациозной позе. Казалось, Великие Идеи на миг повисли в воздухе, а потом осыпались, точно осенние листья.

Землянин медленно встал на ноги. Я видел и чувствовал, что он по-прежнему в экстазе, но теперь еще и малость растерян.

И тут меня осенило: а ведь ужасная проблема никуда не делась. Здесь, на планете-бутоне, были выпущены на волю Великие Тайные Идеи — мы своими глазами видели, как этим занимался Табов отец. По всем законам психодинамики они будут распространяться беспрепятственно и доберутся до самых глухих углов, и вытеснят все местные идеи меньшего пошиба, и развеют все заблуждения насчет нас, и все до единого земляне узнают о Галактическом Союзе и о своей непростой ситуации — и лишатся шанса на собственный независимый выбор!

Конечно, мы можем убить или похитить этого конкретного землянина; мы даже способны стереть ему память. Пусть это вопиющее нарушение

Свода запретов, мы бы все равно осмелились — папаня это доказал, незаконно добыв пистолет, а я как-никак его сын.

Но где уверенность, что этим все и закончится? Великие Идеи выпущены. Те же откровения, что достались этому землянину, могли еще раньше получить от Табова отца и другие местные жители. А если это произошло, от нас уже ничего не зависит. На вылетевшую мысль петлю не накинешь. Меня учили, что Великие Идеи всегда норовят заглушить идейную мелочовку. И какой же, спрашивается, психодинамический код нужно послать вдогонку, чтобы лишить их силы?

Как я уже сказал, все это пришло мне на ум за единый миг. Я повернулся, намереваясь излучить вопрос. Но папаня уже решительно вышел на поляну.

Я упоминал, что мой папаня — мастер изображать щупальцами всякую всячину. А особенно ему удается имитировать форму других существ — просто благодаря превосходному управлению мышцами. И вот два его ходовых щупальца превратились в зеленые ноги — как у землянина, только короче и толще. А кончики загнулись — ни дать ни взять мыски зеленых башмачков из сказок про гномов.

Третья его ходилка и одна из хваталок сделались короткими и толстыми зелеными руками, а на концах, если не приглядываться, — детские варежки.

Туловище приобрело интенсивный пурпурный цвет, как при сильном негодовании. Я смекнул: чтобы вызвать у себя эту характерную реакцию, папаня прибег к самовнушению.

А три верхних щупальца (одно манипулятивное, другое «думательное», а на самом деле предназначенное для тонких манипуляций) создали настоящий шедевр. Столь же складно, сколь и хитро они сплелись в огромное подобие земной головы, состоявшее в основном из лица. Изогнутые толстые основания щупальцев образовали широкий выпуклый лоб над пещерами глазниц, средние части сложились в щеки и подбородок, а один из концов превратился в крупный клювовидный нос. Папанины глаза замаскировались под пуговицы ниже пояса.

Папаня обернулся коренастым зеленым человечком в пурпурном пиджаке.

У землянина увеличились глаза, и он попятился на обмякших ногах:

— О боже!!! Нет!!!

Зеленый гном — в смысле, папаня — поднял

руку. В нижней половине лица раскрылось отверстие.

— Не надо бояться, — прохрюкал папаня, само собой на американском. — Я прибыл с миром и любовью, чтобы распутать тугой клубок недоразумений. — Он остановился и указал на парализованного Табова родителя, который в этот момент потерял равновесие и с тихим «шшух» повалился на груду сухих листьев. — Это марсианин. Враг. — И ткнул зеленой варежкой в собственный пурпурный живот. — Я венерианин. Друг. Я все объясню. Мы прокатимся на блюдце. Согласен? — Он медленно, чтобы я успел подготовиться, повернулся ко мне и властно махнул рукавичкой. — Пригони его.

Мой гном не шел ни в какое сравнение с папаниным, — например, пиджак так и норовил поблекнуть. Но это не имело значения, ведь папаня уже произвел должное впечатление на землянина, и тот не мог оторвать от него глаз. Я был всего лишь зеленым пятном на периферии зрения.

Отвесив глубокий поклон, я быстро убрался с полянки. Что за игру затеял папаня, я не знал, но догадка брезжила. Вернувшись на блюдце, потребовал: вопросов землянину не задавать,

но всем изображать зеленых гномов, — правда, этим названием я не пользовался, поскольку сомневался, что поймут, — с земной мифологией они были едва знакомы. Мелкому пригрозил: если облажаешься, я тебе в прямую кишку твои же щупальца затолкаю.

После чего доставил семейство на поляну. Чтобы протиснуться между деревьями, пришлось накренить блюдце на восемьдесят градусов — самому не верится, что удалось.

Все это время папаня явно не бездействовал. Землянина он теперь называл мистером Адамовичем, а тот величал его «дорогим гуру». И вели они себя как закадычные друзья.

— Так вот, — говорил папаня, — мы выкопали под вашими городами пещеры, а потом в них поселились злые марсиане. Там они и ныне живут, искажая ваш рассудок коварными лучами. Чтобы с этим бороться, нужны венерианские идеи. Много венерианских идей.

Тут мистер Адамович снова обомлел, увидев, как мы снижаемся в мерцающем от зноя воздухе. Но вскоре он пришел в себя. Надо отдать должное его смелости — он спокойно поднялся на борт и позволил себя пристегнуть (папаня предупредил, что лететь будем быстро). Думаю, землянин

все-таки здорово струхнул, когда его туго опоясал невидимый ремень. Папаня говорил ему что-то успокаивающее.

Пожалуй, мне не припомнить более скучного путешествия. Наш спутник, похоже, мог сносить лишь слабейшие ускорения и торможения, да и не хотелось мне, конечно же, чтобы в его полуизвестковом организме что-нибудь лопнуло. Ведь для меня это был миг торжества — папаня доверил управление. И я поднимал блюдце между деревьями так нежно, будто вез семь девственных тетушек в ажурных коралловых тиарах, а после мы летели в похоронном темпе. Клянусь, я ни разу не превысил четырех *g*.

Но если б вы видели, как мистер Адамович менялся в цвете, закатывал глаза, судорожно сглатывал, мотался из стороны в сторону, хватался за поручень, а после за папаню, то подумали бы, что мы на всегалактических соревнованиях по космической акробатике выполняем наисложнейший номер.

Между разворотами, прыжками и нырками папаня вовсю накачивал мистера Адамовича сведениями о нашем брате венерианине: о зарождении нашей цивилизации на континентах Атлантида и Му (папаня меня опередил в изуче-

нии земной мифологии, но позже он повторил по моей просьбе все, что наплел нашему новому знакомому), о Войнах Злых Тиранов, о Великой Межпланетной Миграции, о Марсианском Конфликте и гигантских девах любви, уж не знаю, кто они такие.

Среди прочего папаня поведал мистеру Адамовичу, что в любую эпоху и в любой стране среди землян жили замаскированные венериане (а иногда и марсиане): Платон, Аристотель, Клеопатра, Черный принц, Роджер Бэкон, Калиостро, мадам Блаватская, Эйнштейн, Эдгар Райс Берроуз, Грета Гарбо, Петер Лорре, Бела Лугоши, Эдвард Теллер, Джеральд Херд, Ричард Шейвер, Хьюго Гернсбек, Мерилин Монро… Вряд ли теперь папаня вспомнит все имена, что он тогда назвал.

Надо полагать, мистер Адамович получил незабываемые впечатления, когда несся сквозь облака (по мне, так мы ползли со скоростью улитки) в компании пяти монстров, на борту судна, которое он мог только осязать, пока его под завязку накачивали информацией.

Само собой, я к тому времени уже догадался, каков папанин умысел, и исполнился сильнейшего восхищения. Теперь не важно, что навнушал землянину Табов отец; чистой правде не тягаться

с отъявленной бредятиной, посеянной в туземное сознание на этой увеселительной прогулке. Опыт общения с первым инопланетянином мистер Адамович будет вспоминать как сон. А каждому слову, услышанному от папани, будет верить до своего смертного часа и сделает все от него зависящее, чтобы донести это слово до своих соплеменников. Если и затесались ему в мозг Великие Тайные Идеи, они уже погоды не сделают.

Потому что опытом мистера Адамовича будет обладать только сам мистер Адамович. И ни один землянин, имеющий хоть каплю мозгов, ни на секунду не поверит в белиберду, что нагородил папаня. А следовательно, эта белиберда успешно дискредитирует Великие Идеи. Земля ничего не узнает о Галактическом Союзе, и у нее останется возможность свободного выбора между жизнью и смертью.

Позже в разговоре со мной папаня сформулировал это так: «Сынок, Великая Идея способна вытеснить любую менее великую идею — но только не полную чушь».

Едва я совершил посадку, папаня выпроводил мистера Адамовича из блюдца, а затем и с поляны — на территорию, где за нами не могли шпионить марсиане, или пещерные жители, или

гигантские девы любви, или еще какие-нибудь мифические персонажи. Я услышал, как папаня начал повторять мистеру Адамовичу для закрепления в памяти все то, что насочинял в полете.

Что мне делать, я понял без тайных папаниных посылов. Отыскал второе блюдце, и мы погрузили на него всю семью Таба, благополучно пребывающую в параличе, и пристегнули к креслам. Вскоре вернулся папаня (дом землянина находился неподалеку), и мы без приключений довели оба блюдца до турбазы.

Я ожидал жуткого скандала и тешил себя надеждой, что будет о чем поведать сокамерникам в Черном Узилище, но оказалось, что папанин замысел сработал на славу. Не волновался бы я так сильно, мог бы и сам догадаться, что поздравление было условным сигналом. Дата его отправки никоим образом не совпадала с датой рождения Врупа, и когда тот прочитал чепуху про звезды, освещающие тайны планеты, он разгадал папанин намек, поднял по тревоге Стражей Разума и Галактических Координаторов, и те мигом разобрались с директором турбазы и околоземной полицией.

Из этой планеты сделали наглядный пример. Установили жесточайший карантин, выгнали из

Солнечной системы всех до единого туристов, а директора и полицейских — в первую очередь, хотя я не слышал, чтобы они за свои художества угодили в Черное Узилище.

К туристам, понятное дело, относились и мы с папаней, маманей, сеструхой и мелким, так что для нас каникулы на летающем блюдце закончились до срока. Но прежде чем нас выпроводили, мы успели получить море удовольствия.

Я говорил папане: как же так, разве мы не заслужили привилегии остаться, столь красиво решив проблему и обеспечив землянам дальнейшее пребывание во мраке невежества? Но он запретил мне качать права.

— Сынок, великомудрых экспертов всегда бесили простые и надежные методы врачевателей грунчей, и ничего ты с этим не сделаешь.

Из-за столь внезапной перегрузки галактических транспортных артерий пришлось возвращаться двумя прыжками, с остановкой на третьей планете Антареса. Там мы провели два нервных периода сна — постоянно ждали визита линчевателей.

Мы тогда, чтобы не упасть духом, разговаривали очень быстро, и помнится, я сказал папане:

— Наверное, из-за карантина мы нипочем не

узнаем, как сложилась судьба землян. Пап, их планета взорвется?

Он пожал щупальцами:

— Сынок, у каждой расы есть право умереть, если она того захочет. Как поступят земляне со своей Землей — не наша проблема.

Тут я услышал тихое пощелкиванье, словно к нам подбиралась многоплеченожка, и папаня испуганно заозирался. А потом сказал:

— Беспокойся лучше за судьбу гептопусов.